

Цююэ кивнула и направилась к кабинету за ширмой, где на полу стоял фарфоровый сосуд для свитков. Она начала разворачивать их одну за другой, выбирая подходящие.

Гу Шаобай воспользовался моментом, чтобы выпить куриный суп, который подогрели уже восьмой раз, и вытер рот. Затем он нашёл в шкафу плотную рубашку цвета лунного света и надел её.

Цююэ, закончив отбор картин, завернула их в ткань и нашла зелёный халат, чтобы накинуть поверх.

— Погода сейчас переменчива: то тепло, то холодно. Ты только что выздоровел, лучше надень ещё что-нибудь, чтобы не продуло, — Цююэ, разговаривая, застёгивала на нём пуговицы.

Гу Шаобай наблюдал, как её тонкие пальцы ловко справляются с застёжками, и выправил одежду на нём.

Он вспомнил, как она, вероятно, горевала после его смерти. Он ещё не успел найти ей хорошего мужа, и это вызывало у него чувство вины. Он кашлянул, подавив ком в горле.

— Цююэ, ты подумала о том, о чём я говорил на днях? — спросил Гу Шаобай.

Цююэ, с недоумением в глазах, ответила:

— О чём ты говорил?

— О том, чтобы найти тебе достойного мужа. Я не шутил, — серьёзно сказал Гу Шаобай.

Цююэ сначала удивилась, но, встретив его серьёзный взгляд, смутилась. Она, конечно, любила своего господина, но понимала, что её статус не позволяет ей стать его законной женой. Она даже думала о том, чтобы стать наложницей, но, видя, что Гу Шаобай не проявляет к ней интереса, смирилась. Если она не может быть с ним, то лучше выйти замуж за честного и надёжного мужчину.

Подумав об этом, она покраснела и сказала:

— Цююэ полагается на решение господина.

— Хорошо, — сказал Гу Шаобай. — Через несколько дней, когда будет время, я поговорю со второй матушкой и найду тебе хорошую семью.

Если выдать её замуж пораньше, то в случае грядущих бед пострадавших будет на одного человека меньше, и ему будет легче жить.

Гу Шаобай, взяв с собой Миньюэ и свёрток с картинами, вышел из дома. На пороге он встретил Гу Цинбая.

— О, третий брат, ты так нарядно одет. Куда направляешься?

Он с улыбкой смотрел на Гу Шаобая, и в его глазах плескалось веселье. Семнадцатилетний Гу Шаобай с тонкими бровями и живыми глазами, подобными двум чистым прудам, в которых крутились водовороты, затягивающие взгляд, с прямым носом, бледно-розовыми губами и изящным подбородком, вызывающим любовь. Его высокий стан был тонок, как бамбук. Истинно ясен, как нефритовое дерево!

— Да какие у меня могут быть важные дела, просто собираюсь с друзьями, — ответил Гу Шаобай. — Второй брат, отец сказал, что ты завтра уезжаешь?

— Завтра нужно съездить за товаром в Фэнчэн, вернусь дней через десять.

Фэнчэн находился на границе, за городом простирались бескрайние степи. Семья Гу имела связи с Князем Северных пустошей и обычно возила туда хлопчатобумажные и льняные ткани, а также сушёное мясо и фрукты, которые не портятся.

— Фэнчэн далеко, туда и обратно займёт не меньше двадцати дней. Как же ты вернёшься за десять?

— Наследник Северных пустошей как раз на станции Ло, поэтому на этот раз не нужно ехать до Фэнчэна, можно передать прямо ему, — Гу Цинбай протянул руку и поправил прядь волос у виска Шаобая. На его фарфорово-белом лице появилась нежная улыбка, но вдруг сердце сжалось от боли. Незаметно для себя Шаобай уже приближался к семнадцатилетию, он стал таким красивым, что захватывало дух, и больше не был тем ребёнком, который любил валяться у него на руках и капризничать.

Встреча в Павильоне Живописи Сичи на этот раз была назначена в ресторане «Дэжуй» на востоке Цзинлина. «Дэжуй» был первым рестораном во всём Цзинлине, и даже залы общей посадки на первом этаже были украшены великолепно, не говоря уже о роскошных комнатах на втором и третьем этажах, каждая из которых была оформлена в уникальном стиле. Помимо высоких чинов и знати, простые люди не могли себе этого позволить.

Миньюэ первым дошёл до комнаты в конце третьего этажа. На двери висела огромная вышивка лотоса на обеих сторонах, работа была изысканной и выдающейся, в середине золотыми и серебряными нитями были вышиты два иероглифа: «Пьяный лотос».

Миньюэ приподнял занавеску, и шум голосов и горячая волна звуков хлынули наружу. Гу Шаобай велел Миньюэ ждать внизу в общем зале, а сам, держа свёрток, вошёл в комнату.

Большой обеденный стол убрали, заменив его на длинный стол из золотого нанму шириной в метр и длиной в два. Внутри уже сидели семь молодых людей в богатых одеждах, возрастом примерно равными, кто-то рисовал, кто-то оживлённо беседовал.

Эти семеро, одежда и внешний вид которых были ни один не изысканны и роскошны, с первого взгляда напоминали сыновей знатных семей. Увидев в прошлой жизни наряд Му Цинфэна, Гу Шаобай теперь смотрел на этих людей и понимал, что по сравнению с ним они — ничто. До сих пор он помнил тот вечер: Му Цинфэн был одет в чёрное шёлковое платье с тёмным узором, манжеты и воротник были обшиты красными облаками и громовыми узорами, а его глаза были холодны и жестоки, словно ястреб. Всего одного взгляда было достаточно, чтобы живого прибить к столбу позора.

— Шаобай, ты пришёл! — один юноша с круглым лицом увидел его, бросил кисть и пошёл навстречу.

Это был именно тот маленький маркиз Мо Жань, из Павильона Живописи, с которым у Гу Шаобая были самые близкие отношения, по прозвищу Синьюнь. Отец Мо Жана был наследным маркизом Динбэй, его дед помог основателю династии покорить Поднебесную, поэтому, хотя сейчас маркиз Динбэй был лишь титулованным сановником без реальной должности, живущим на содержание двора, он пользовался большим почтением и милостью императора. А как единственный сын старого маркиза, Мо Жань был бесспорным наследником, поэтому

знакомые в частном порядке называли его маленьким маркизом.

К счастью, этот повеса не был настоящим бездельником. Хотя он немного не любил учиться и любил смешно есть и ждать смерти, у него не было обычной для детей знатных родов болезни — высокомерия и задиранья носа перед другими, опираясь на власть. Именно поэтому Гу Шаобай был с ним очень дружен. С ним было удобно и свободно. Что же до остальных, то Гу Шаобай прошлой жизни даже не хотел смотреть на них краем глаза.

Гу Шаобай посмотрел на остальных шестерых, троих узнал: это были сыновья министра военных дел и министра церемоний, а также младший сын главы Палаты Дали Го Чаои — Го Шэнь. Остальные трое были незнакомыми лицами.

Гу Шаобай поприветствовал всех шестерых и сказал Мо Жаню:

— Эти три господина мне незнакомы, Синъюнь, представь их, пожалуйста...

После представления Мо Жанем мысли Гу Шаобая оживились. Тот бледный и худой юноша был третьим сыном министра финансов Ван Цзяня — Ван Егуанем. Он вспомнил ту ночь, когда его подставили: именно Ван Цзянь и Го Чаои дали свидетельские показания для Му Цинфэна, подтвердив, что Му Цинфэн был пьян на банкете по случаю дня рождения, тем самым закрепив вину семьи Гу в корыстных целях и соблазнении внешностью.

Гу Шаобай достал три картины из свёртка, развернул свитки и положил их на стол:

— Господа, это три моих каракули, прошу вас дать вашу оценку.

Имя Гу Шаобая гремело по столице, никто не знал, никто не слышал, и эти полупрофессионалы не смели указывать, одного вида было достаточно, чтобы почувствовать себя опозоренными.

Все переглянулись, и хотя не хотели признавать, всё же пришлось поднять большие пальцы и хвалить в один голос.

Гу Шаобай не стал скромничать и с приятным выражением лица сказал:

— В таком случае, Шаобай осмелится. Если какой-нибудь господин не посчитает мой рисунок плохим, Шаобай готов подарить его обеими руками.

Все удивились, а затем радостно начали спорить:

— Моя, я хочу эту...

— Эту картину с далёкими горами я хочу...

— Ты же выбрал ту, зачем ещё со мной спорить...

В домах чиновников не было недостатка в дорогих картинах и каллиграфии, редких древностях, но вещи ценятся своей редкостью, картины и каллиграфия Гу Шаобая на рынке стоили тысячу золота и их трудно было достать, хотя он рисовал и писал хорошо, но к сожалению, вообще не продавал их!

Гу Шаобай холодно усмехнулся в сторонке, не зная, будут ли картины и каллиграфия Гу Шаобая с потерянной репутацией всё ещё вызывать такой восторг, как сейчас, или же их захотят разорвать в клочки и сжечь в пепел!

Мо Жань сказал:

— Шаобай, посмотри на себя, дар людям, а сам не сказал, принести побольше картин, как же быть-то!

Гу Шаобай поспешно сделал виноватое выражение и громко произнёс:

— Господа, это Шаобай недодумал. Шаобай по возвращении нарисует ещё. Господин Ван, господин Го и господин Линь, можете сказать мне о ваших предпочтениях, я по возвращении домой напишу новые картины и после завершения лично доставлю их в ваши дома, хорошо ли это?

Услышав это, трое естественно были вне себя от радости. Гу Шаобай ещё долго беседовал с ними и по очереди давал указания по их картинам, пока не наступил полдень, и только тогда вместе с Мо Жанем вышел.

Мо Жань надул губы:

— Шаобай, я не согласен.

Гу Шаобай косо посмотрел на него:

— Ты опять с чего взбесился?

Мо Жань ответил:

— Почему ты подарил им, а мне не подарил?

Гу Шаобай постучал его по голове сложенным веером:

— Я тебе разве мало дарил? Или мне нарисовать для тебя заново, а ты вернёшь мне все прошлые?

Мо Жань почесал затылок и не стал отвечать на его слова.

<http://bllate.org/book/16730/1538479>